

Общественный контроль в России в контексте базовой демократии

И.Н. Гаврилова

В последнее время проблемы общественного контроля и независимой оценки стали предметом рассмотрения многочисленных круглых столов, конференций, общественных слушаний, в частности в Общественной палате РФ. В связи с этим представляется важным выяснить состояние условий, в которых происходит становление института общественного контроля в нашей стране.

То, что общественный контроль — благо для развития социума, вроде бы вполне очевидно, поскольку бесконтрольность порождает безответственность, а следовательно и дальнейшие ошибки управления. Однако не прояснены задачи, механизмы реализации и мера ответственности этого контроля, т. е. непонятно, кто должен его проводить, каков отбор общественных контролеров, каковы критерии отбора и т. д. Можно предположить, что если в ближайшей перспективе будут найдены верные ответы на эти уже перезревшие вопросы, а результаты контроля (не только общественного, но и государственного, парламентского, иного) не будут проигнорированы, то у России появятся шансы преодолеть тяжелейший кризис, в котором она находится уже продолжительное время. Потому важно разобраться, что мы хотим получить в конечном итоге от внедрения данного демократического атрибута, какие требуются механизмы, чтобы он заработал у нас.

И здесь нельзя обойти вниманием вопрос о том важнейшем условии, без которого немислим институт общественного контроля в любой стране. Речь идет о гражданском обществе. Необходимо понять, насколько оно способно воспользоваться демократическими правами на практике, способно ли оно в нынешних условиях развиваться, достигать до власти и сплотиться для решения практических задач.

Наличие гражданского общества — это один из важнейших критериев демократии, тот фундамент, на который опирается вся конструкция демократического государства, те «корни травы» (*grassroot*), как известно, произрастающей самостоятельно, а не по решению сверху, не путем ее насаждения или культивирования (последнее не исключает создания государством благоприятных условий для его развития). Однако главное заключается в том, чтобы люди той или иной страны действительно стали ее гражданами, т. е. имели активную жизненную позицию, стремились к свободам, к построению правового государства; собственно, лишь в этом случае может идти речь о гражданском обществе, о подлинной демократии.

Для исследовательских, как, впрочем, и для практических, целей можно выделить несколько уровней активности граждан. Базовый уровень — уровень местного сообщества — когда выстроенное небольшой группой людей обще-

ственное объединение (или иная неправительственная некоммерческая организация) решает вопросы, касающиеся повседневной жизни и потому близкие и понятные им. Это создает благоприятные условия для самостоятельного участия максимально широкого круга людей в решении таких вопросов. Конечно, не многие проявляют активность и при таких обстоятельствах, однако всем очевидны проблемы, требующие решения, понятны в связи с этим цели и задачи совместной работы и более или менее ясны действия. Именно здесь на местном уровне формируются «корни травы», корни гражданского общества как необходимого условия демократических преобразований. Этот уровень можно назвать базовым уровнем демократии, потому что: *во-первых*, подавляющее число управленческих решений принимается ежедневно именно на этом уровне, создавая основу для функционирования всей системы управления; *во-вторых*, благодаря деятельности на этом уровне людям проще осваивать принципы и правила демократии, что выступает в качестве предпосылки их эффективного участия в демократических процессах на других управленческих уровнях¹.

Вместе с тем демократия возникает там и тогда, когда объективные факторы совпадают с субъективными, причем без всякого внешнего давления. Когда власть не будет заигрывать с народом, пытаясь выстраивать «вертикаль» гражданского общества, — немислимую по определению, но не по логике многих отечественных бюрократов, стремящихся создавать видимость социального партнерства и учета общественных интересов². Только в этом случае демократия вообще и гражданское общество в частности будут реальными, а не мнимыми, имеющими лишь внешние атрибуты. Поэтому для формирования гражданского общества так важно совпадение двух факторов: возможности повлиять на власть (через честные выборы, свободу слова, собраний и т.д.) и стремления граждан быть свободными и равноправными, строить на демократических (в полном смысле этого слова) основаниях свою жизнь.

Однако Россия в последние десятилетия находится в состоянии перманентного «реформирования», постоянной социально-политической и экономической трансформации, показывая разновекторность и, соответственно, неопределенность своего пути развития. Как показал опыт многих стран, именно в условиях трансформации необходимо налаживать социальный диалог. Любые изменения в жизни социума привносят с собой определенную нестабильность, какие-то разочарования. В этой ситуации разумные компромиссы, разъяснения

---

¹ Примечательно, что даже в таких государствах, где демократия отсутствует, на местном уровне она подчас стихийно и спонтанно пробивается, поскольку, с одной стороны, управленческие решения неизбежно касаются насущных интересов практически всех людей, а с другой стороны, управленческие органы на таком уровне располагают, как правило, весьма ограниченными ресурсами, вследствие чего заинтересованы в участии населения как в дополнительном ресурсе для реализации своих полномочий.

² Именно с этим связано то, что общественные советы, создаваемые ныне повсеместно в России, в том числе при ведомствах, департаментах, столь различаются по своему потенциалу: есть вполне работающие структуры, а есть квазиобщественные либо весьма слабые общественные советы (палаты). А ведь именно общественные советы, как закреплено ныне российским законодательством, будут формировать группы общественных контролеров. Кстати говоря, было много сомнений относительно Общественной палаты РФ, однако в ходе ее деятельности отношение к ней граждан поменялось к лучшему, она действительно стала институтом гражданского общества в России.

тех или иных шагов власти крайне важны. Но все это возможно лишь на основе открытого общественного диалога, межсекторного взаимодействия, когда общественное сознание формируется не в информационном вакууме, а в условиях постоянных прозрачных контактов с властью. Естественно, многое зависит от качественных характеристик властных структур, их профессионализма, открытости, неподкупности, нацеленности на общенациональные интересы. Но это достижимо только лишь в условиях постоянного общественного контроля и мониторинга управленческих решений.

Мировой опыт развития демократии продемонстрировал действенность социального партнерства, базирующегося на конструктивном взаимодействии всех секторов общества (государственного, коммерческого, некоммерческого³) в решении социально значимых проблем. В основе социального партнерства лежит принцип субсидиарности, определяющий критерии для распределения зон ответственности секторов за конкретные участки работы в этом направлении. Гражданское общество, опираясь на совместно определенные приоритеты общественного развития, берет на себя решение отдельных социально значимых проблем, тогда как государство призвано решать лишь те задачи, которые институты гражданского общества не в состоянии по тем или иным причинам решить, те вопросы, которые требуют централизованного управления сверху. Иначе говоря, субсидиарность предполагает возможность вмешательства государства лишь тогда, когда это нужно и неизбежно.

У государства и гражданского общества в условиях демократии имеются общие цели и задачи, направленные на процветание общества, гражданский мир и стабильность. Многое зависит от политической воли и грамотных шагов в направлении преодоления политического отчуждения рядовых граждан, от того, насколько будет осознана необходимость взаимопомощи и взаимоконтроля в решении социально значимых задач, насколько будут пытаться выстроить справедливую социальную политику, отвечающую интересам большинства граждан.

Однако можно с уверенностью заключить, что социальный диалог, социальное партнерство возможны лишь в условиях социальной справедливости или хотя бы стремления к таковой.

Известно, что понимание социальной справедливости в любом социуме в целом едино; даже пренебрегая ею, отдельные индивиды осознают свои нарушения. Любопытно, что в нашей стране заговорили о необходимости общественного контроля, общественных слушаний, о гражданских инициативах именно тогда, когда при внешнем относительном спокойствии в обществе и даже появившейся в последнее время сплоченности из-за санкций, Крыма и т. д. власть наконец-то почувствовала внутреннее напряжение, во многом связанное с нарастающим разрывом в понимании социальной справедливости. А последнее,

---

³ Иногда выделяют еще в качестве отдельного четвертый - семейный сектор. Однако надо подчеркнуть, что одним из основополагающих принципов межсекторного взаимодействия выступает равный доступ к участию в таком взаимодействии для всех представителей различных публичных секторов человеческой деятельности (См.: Социальные технологии межсекторного взаимодействия в современной России: учебник / отв. ред. А.С. Автономов. М.: Фонд НАН, 2003. С. 15).

заметим, признак не просто неблагополучия в обществе и государстве, а более глубинных противоречий, которые не только опасны, но могут в определенных условиях привести даже к гражданской войне в случае поляризованных, крайне противоположных взглядов на справедливость (за примерами ходить далеко не надо, пример Украины нагляден). Социальное напряжение не всегда имеет внешние проявления, во всяком случае, на первых порах, однако социологические замеры все же дают основания говорить о наличии такового.

Ряд исследований можно трактовать как свидетельство такого напряжения в обществе. Так, кого-то удивили, а кого-то нет итоги недавнего опроса Левада-центра, согласно которым по числу положительных оценок среди политических лидеров страны в XX в. лидируют Л.И. Брежнев и В.И. Ленин (55–56% респондентов)⁴. Тем не менее полагаем, что это вполне ожидаемый результат, поскольку, по сути, это ответ на вопрос о политических и социально-экономических предпочтениях россиян, свидетельство интуитивного неприятия капиталистического устройства (хотя скорее всего эти категории люди не используют, даже не задумываются об этом, но уловить оценки представляется и возможным, и нужным, в том числе для выправления социальной политики государства). Тем более что экономических оснований для этого множество: взять хотя бы, что по экспертным оценкам каждого третьего россиянина можно отнести к беднякам, большинство из которых работают и имеют образование, хотя согласно данным Росстата доля россиян, живущих ниже черты бедности, меньше, но все равно их немало (15,1% всего населения, 41,4% работающих россиян)⁵, растет имущественная и иная поляризация населения. Социальное напряжение подтверждают и ежедневные сообщения СМИ, например, о голодовках врачей скорой помощи в Уфе, тем не менее не бросивших своих пациентов⁶. Здесь еще показательны формы протеста, становящиеся все более характерными для страны: голодовки, перекрытие федеральных трасс и пр., что свидетельствует не только об отчаянии людей, но и о том, насколько не доверяют они традиционным формам выражения своего несогласия (забастовки, петиции и т. п.). Интересны данные только что проведенного исследования Института социологии РАН «Россия в условиях новых международных реалий»⁷, подтвердившие многие прежние выводы социологов (к примеру, 53,3% назвали нынешнюю ситуацию в стране кризисной, еще 5,9% катастрофической, 32,8% спокойной; самый высокий уровень доверия президенту — 77,9% и армии — 62%). Характерен перевес респондентов, которые в целом не доверяют большинству представительных органов власти и даже органам местного самоуправления, профсоюзам, над теми, кто им доверяет. Превалирует мнение, что для России основные угрозы исходят из-за рубежа (61,1%), а не находятся внутри страны (18,2% опрошенных), хотя плачевное состояние отечественной экономики вряд ли можно связать только с санкциями западных стран и ценами на нефть. Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением, что

⁴ См.: Аргументы и факты. 2014. № 42. С. 17.

⁵ Там же. С. 21.

⁶ Аргументы и факты. 2014. № 41. С. 33.

⁷ Грант РФФ № 14-28-00218 «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах».

«мобилизационный потенциал запроса на справедливость сравнительно невелик... стремление к справедливости в современной России практически никак не сопряжено с солидарностью, готовностью за эту самую справедливость бороться»⁸. Однако история уже не раз давала примеры, как стремительно может произойти социальный взрыв, хотя без организующей силы он превращается лишь в бунт, беспорядки.

Отметим и то, что Россия сама создает себе как государству серьезные угрозы, провозглашая в своем Основном законе одни принципы, а осуществляя на практике иные. Так, в ее Конституции явствуют признаки эгалитарного концепта справедливости (сохранение исходного равенства индивидов), а на деле претворяются в жизнь те, что все более и более соответствуют другому концепту справедливости – иерархическому (неравный статус отдельных индивидов и сословий)⁹, противоположному провозглашенным конституционным принципам. В этом свете вполне актуально для современной России замечание Т. Парсонса: «Члены общества должны иметь не просто формальные, но реальные возможности конкурировать с другими членами, причем с достаточными шансами на успех»¹⁰. Здесь стоит упомянуть проведенное Институтом социологии РАН многолетнее исследование, убедительно показавшее, что россияне считают чиновничество отдельным сословием, классом¹¹. Кроме того, исследования социологов показали заметный разрыв между общественными ожиданиями и реальной повседневностью, а также то, что проблема социальной справедливости стала остро переживаться не только беднейшими слоями населения, но и вполне благополучными людьми¹². Ныне социальное недовольство в стране «замыкается на базовые ценностно-мировоззренческие позиции россиян..., превращаясь из недовольства собственным положением в недовольство новой системой общественных отношений в целом»¹³.

В этой ситуации особенно возрастает значение третьего, или некоммерческого, неправительственного, или добровольческого, по определению А.С. Автономова¹⁴, сектора, развитие которого отражает уровень развития гражданского общества в стране. Его роль видится не только в рационализа-

---

⁸ Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. М.: Новый хронограф, 2010. С. 152–153.

⁹ Подробнее см.: Социальная политика в контексте межсекторного взаимодействия / отв. ред. А.С. Автономов, И.Н. Гаврилова. М.: Изд-во Главн. архивного управления гор. Москвы, 2009. С. 114–136.

¹⁰ Парсонс Т. Системы современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 113.

¹¹ Подробнее см.: Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / под общ. ред. М.К. Горшкова. М.: ИИК «Российская газета», 2007. Согласно данным опроса, проведенного Институтом социологии РАН и Фондом Ф. Эберта, отдельным сословием считают себя 40% отечественных чиновников, с чем согласны 76% россиян.

¹² Там же. С. 443.

¹³ Там же. С. 439.

¹⁴ См., напр.: Автономов А.С. Добровольчество: порыв души или ресурс? // Межсекторные взаимодействия (методология, технология, правовые нормы, механизмы, примеры). Альманах. Настольная Книга 2001. М.: НАН, 2001. С. 95–96; Автономов А.С. и др. Социальные технологии межсекторного взаимодействия в современной России: учебник / под общ. ред. А.С. Автономова. М.: Фонд НАН, 2003. С. 12.

ции решения социальных проблем (а решаются они более эффективно в том числе и потому, что некоммерческие организации знают о них не понаслышке), но и в структуризации общества, в формировании действенных гражданских институтов, в конечном итоге в создании прочной базы для развития демократии в России. Несмотря на то, что представители каждого из трех секторов общества по-разному видят те или иные решения социальных проблем и имеют разные возможности для их осуществления, на основе консенсуса можно реализовать поставленные важнейшие социальные задачи, преодолеть социальную несправедливость и возникающие конфликты. И здесь важен не только конструктивный диалог между общественными секторами, но и контроль со стороны гражданского общества, поскольку это позволяет определить действительно приоритетные задачи, найти их оптимальные решения, чему в немалой степени способствует учет баланса сил и интересов. Собственно говоря, в этом заключается принцип социальной ответственности государства, бизнеса, гражданского общества. Если власть можно упрекнуть прежде всего в замкнутости на себя, нежелании прислушаться к общественным запросам, непоследовательности, низком профессионализме, то гражданское общество — в разобщенности, неспособности понудить власть совместно определять приоритеты и решать наиболее острые социальные проблемы, в определенной степени — в низкой самооценке и неуверенности в собственных силах.

Формирование гражданственности как особой формы социального капитала, выступающей основой, как писал Р. Патнэм в своей работе «Чтобы демократия сработала», социального равновесия, включающего кооперацию, благосостояние для всех, гражданскую вовлеченность, как представляется, является результатом синтеза самых разнообразных социальных и культурных факторов. Традиционно у нас доминировали вертикальные социально-политические связи на фоне гражданской пассивности большинства рядовых граждан, что подтверждалось неоднократно результатами специальных исследований. Конечно, уровень институционального развития определяется и социально-экономическим уровнем сообщества; об этом свидетельствует тот же международный опыт. Как верно отмечали в своей работе А.А. Галкин и Ю.А. Красин, конституционно закрепленные демократические процедуры у нас выхолащивались бюрократическими ограничителями, возрождавшими традиции номенклатурного самовластия при сохранении внешнего демократического декора, а доведенный до абсурда антиэтатизм обернулся в конечном итоге деиндустриализацией страны. Экономическая и финансовая системы были подорваны, произошло беспрецедентное для России распространение бедности. Размытость базовых социально-групповых интересов привела к тому, что на передний план вышли узкопартийные интересы олигархических и клановых групп, кристаллизация же этих интересов тормозит и деформирует весь процесс становления нормальных общественных отношений¹⁵. «Реформы, преподносившиеся как средство освобождения от тоталитаризма и воплощение демократии, не только не оправдали романтизированные и мифологизированные ожидания, но и вступили в острое противоречие с глубоко укоренившимися социально-психологическими стерео-

¹⁵ Галкин А.А., Красин Ю.А. Россия: QuoVadis? М.: Наука, 2003. С. 30.

типами поведения и мышления, порождая растерянность, разочарование»¹⁶. Без серьезного пересмотра итогов почти тридцатилетнего «реформирования», той же приватизации 1990-х гг., без реальной борьбы с коррупцией, без опоры власти на здоровые силы общества (не все НПО можно назвать таковыми) невозможно преодолеть эту растерянность людей, бедность, социальную несправедливость, наконец выйти из системного кризиса — без этого государство не сможет обеспечить свою безопасность, поступательное развитие и процветание.

Лонгитюдные социологические исследования высветили основные тенденции в развитии ценностных и идейно-политических установок россиян. Так, в представлениях о демократии превалирует «благожелательный скептицизм», благожелательное отношение к самой идее демократии и крайне скептическое отношение к большинству институтов, призванных претворять идею в жизнь (выборы, парламентаризм, многопартийность, свобода слова и пр.), что неудивительно в свете главных претензий к отечественной модели демократии — ее элитистского характера и крайне низкой эффективности функционирования большинства демократических институтов¹⁷. Большинство россиян, в том числе и многие активные представители гражданского общества, по-прежнему с большим недоверием относятся к возможности повлиять на власть путем выборов. Конечно, и этому есть объяснения, к примеру, отказ от института отзыва выборного лица или изъятие графы в избирательном бюллетене «против всех» еще больше отвратили россиян от участия в выборах.

К тому же не стоит сбрасывать со счетов, насколько низок в России уровень доверия к власти, к политикам; социологические исследования (например, социологического центра РАГС) показывают «вынужденность приспособления к действиям властей, скепсис относительно возможности повлиять на их решения»¹⁸. Стоит задуматься над тем, что сохранение нынешней стабильности в российском обществе держится на «остаточных уровнях доверия»: если удастся «сберечь эти резервы путем целенаправленной, запрограммированной работы», отмечает Д.М. Данкин, то возможна поэтапная эволюция экономического, политического и нравственно-психологического самоопределения, однако для «модернизационного прорыва необходимы принципиально иные уровни доверия»¹⁹. Известный социолог В.В. Петухов справедливо отмечает, сколь подвижны были мировоззренческие установки россиян в последние десятилетия: ценностные и идеологические различия, сравнительно недавно (10–15 лет назад) раскалывавшие общество, сегодня воспринимаются россиянами как менее важные по сравнению с социальными дифференциациями²⁰.

---

¹⁶ Там же. С. 214.

¹⁷ Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров. С. 183, 186–187.

¹⁸ *Мирошников О.А.* Гражданское общество в России: трудности роста // Государство, НКО и бизнес: процесс взаимодействия / Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. М.: Знание, 2007. С. 42.

¹⁹ Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2013. С. 167.

²⁰ См.: Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. М.: Новый хронограф, 2010. С. 136–137.

Однако пока представители гражданского общества не проявят настойчивости, не заставят власть признать необходимость общественного участия, вряд ли мы сможем изменить ситуацию. Необходимо воспитание и самовоспитание гражданственности, а не насаждение ее сверху, как некоторым у нас представляется возможным. И в этом может сослужить хорошую службу практика общественного контроля, в ходе которой люди смогли бы не только влиять на внешнюю среду, снизить социальное недовольство, решать конкретные задачи, но влиять и на внутреннее пространство, саморазвитие, повышать солидарность. В то же время о создании режима благоприятствования в отношении неправительственных организаций (НПО), того же общественного контроля давно стоило бы задуматься государству, если оно стремится к социальной интеграции.

Безусловно, в последнее время какие-то шаги уже сделаны в направлении общественного участия в принятии решений (кстати, во многом потому, что по инициативе и благодаря лоббированию НПО был принят ряд законов, таких как «Об общественных объединениях», «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях»), начали успешно внедряться даже механизмы межсекторного взаимодействия (социальный заказ, общественные слушания и др.), но этого, несомненно, мало. К сожалению, многие представители власти все еще полагают, что социальный диалог исчерпывается созданием общественных советов, не имеющих зачастую каких-либо полномочий, или проведением раз в год конкурса на осуществление социально значимых проектов, не осознавая реальный потенциал третьего сектора. Необходимо наконец-то дать возможность проявить себя в полной мере некоммерческим неправительственным организациям, работающим в сфере решения социально значимых проблем (организациям взаимной пользы, как называет их ведущий американский эксперт третьего сектора М. Черни), для чего требуется изменить отношение к НПО, что возможно в принципе сделать в ходе практической деятельности. С другой стороны, многое упирается в проблему финансирования, предоставления помещения, разумного налогообложения НПО, поощрения благотворительности и добровольчества, что должен решать как раз государственный сектор, если стремится преодолеть гражданскую отчужденность, тем более что с многочисленными проблемами он сам явно не справляется.

Таким образом существует немало вопросов, которые требуют дополнительного серьезного изучения. Однако уже сейчас есть основания предположить, что не много людей готовы стать объектом общественного контроля, прислушаться к гласу народа, его замечаниям и требованиям. Да и государственный контроль многие считают для себя лишним: сколь часто сегодня раздаются сетования на чрезмерный государственный контроль, хотя его, напротив, явно мало, если отделить его от коррупционных действий проверяющих. Все это делает весьма туманной перспективу создания действенного общественного контроля в нашей стране (хотя он мог бы стать своего рода механизмом перевода демократии из виртуального в реальное пространство, если это действительно будет контроль, а не та же виртуальность). Стоило бы учесть необходимость взаимоотношения контроля государственного и общественного, их динамического равновесия.

И если власть действительно намерена прислушаться к общественному мнению, найти в нынешних непростых условиях союзника в лице гражданского общества²¹, то без общественного контроля не обойтись. Известно, что демократия успешна лишь при опоре на развитое гражданское общество, уровень демократичности политического режима в любой стране определяется характером взаимоотношений гражданского общества и государства²². Общественный контроль способен благотворно повлиять на эти процессы. Более того, как справедливо отмечается, назрела необходимость выработки и внедрения разнообразных социальных технологий, направленных на вовлечение граждан в решение собственных проблем²³. Видимо, с учетом этого, а также в связи с заметным недовольством граждан положением дел в стране и возникла идея у власти создать институт общественного контроля. Более того, уже представлены проекты федеральных законов, в частности, «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», внесенного Президентом РФ (проект № 471327-6), «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам проведения независимой оценки качества работы организаций, оказывающих услуги в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования»²⁴, внесенного Правительством РФ.

Однако сохраняется опасность того, что эти законы (как и уже принимаемые решения региональных и муниципальных властей) не заработают должным образом. Создание институтов само по себе не способно решить все проблемы: чтобы институты действовали в полную силу, приходится постоянно поддерживать их работу, проверять и перепроверять, налаживать, искать еще более действенные механизмы и формы. Это постоянная, кропотливая работа, причем находящаяся в зоне ответственности всех общественных секторов, прежде всего, конечно, государства. Ведь на наших глазах хорошая задумка московского мэра, например, с созданием портала «Наш город» уже начинает выхолащиваться чиновниками, которые пишут порой отписки под копирку разным заявителям, отвечают не по существу задаваемых вопросов и т. д. Но если все же удастся внедрить в жизнь в России институт общественного контроля, он позволит решить многие проблемы, даст шанс хотя бы приступить к их решению.

Список используемых источников

1. Автономов А.С. Добровольчество: порыв души или ресурс? // Межсекторные взаимодействия (методология, технология, правовые нормы, механизмы, примеры). Альманах. Настольная Книга 2001. М.: НАН, 2001.

²¹ О таких намерениях, например, заявил в своей статье С.Е. Нарышкин, говоря о том, что «правовое государство — единственно позволяющее решать самые принципиальные вопросы только с участием общества» (Российская газета. 2014. 6 марта).

²² Гражданское общество: учебник / под рук. А.С. Автономова, В.В. Гриба. М.: Юрист, 2009. С. 185.

²³ Зыков О. Социальная реформа: путь к гражданскому обществу // Гражданский диалог, 2008, № 1. С. 19.

²⁴ О вступлении в жизнь данного закона с 21 октября 2014 г. см.: Российская газета. 2014. 1 октября. С. 5.

2. Автономов А.С. и др. Социальные технологии межсекторного взаимодействия в современной России. Учебник / под общ. ред. А.С. Автономова. М.: Фонд НАН, 2003.
3. Аргументы и факты. 2014. № 40.
4. Аргументы и факты. 2014. № 42.
5. Галкин А.А., Красин Ю.А. Россия: QuoVadis? М.: Наука, 2003.
6. Гражданское общество: учебник / под рук. А.С. Автономова, В.В. Гриба. М.: Юрист, 2009.
7. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Весь мир, 2011.
8. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2013.
9. Зыков О. Социальная реформа: путь к гражданскому обществу // Гражданский диалог, 2008, № 1.
10. Мирошников О.А. Гражданское общество в России: трудности роста // Государство, НКО и бизнес: процесс взаимодействия / Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. М.: Знание, 2007.
11. Общественный контроль: новая форма государственно-частного партнерства: сб.ст. и мат-лов по итогам Всерос. научн.-практ. конф. М.: Юрист, 2012.
12. Парсонс Т. Системы современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998.
13. Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / под общ. ред. М.К. Горшкова. М.: ИИК «Российская газета».
14. Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. М.: Новый хронограф, 2010.
15. Социальная политика в контексте межсекторного взаимодействия / отв. ред. А.С. Автономов, И.Н. Гаврилова. М.: Изд-во Главн. архивного управления гор. Москвы, 2009.
16. Российская газета. 2014. 6 марта.
17. Российская газета. 2014. 1 октября.